

А. И. ИВАНОВ

О ПРЕБЫВАНИИ МАКСИМА ГРЕКА В ДОМИНИКАНСКОМ МОНАСТЫРЕ СВ. МАРКА ВО ФЛОРЕНЦИИ

В жизни Максима Грека имеется одно чрезвычайно важное событие, которое до самого последнего времени оставалось абсолютной тайной. Мы имеем в виду его пребывание в течение почти двух лет (1502—1504) в католическом доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции в качестве монаха. Об этом событии нет ни малейшего упоминания ни в одном из многочисленных «Житий» и «Сказаний» о Максиме Греке, составленных русскими книжниками в XVI—XVIII веках¹. Не говорят ни слова о нем и современники Максима, близко знавшие его в Италии, на Афоне и в России². Наконец, сам Максим Грек в своих сочинениях не высказал ни одного намека на свою монашескую жизнь у доминиканцев, в то время как о других событиях из времени своего пребывания в Италии он вспоминает весьма часто, посвящая им не только отдельные страницы, но и целые произведения³.

Таким образом факт вступления Максима Грека в доминиканский монастырь на протяжении 400 лет оставался неизвестным.

Впервые сообщил о нем католический ученый Илья Денисов в своем капитальном труде «Максим Грек и Запад», опубликованном в 1943 г. в Париже⁴. Основанием для такого сообщения послужила открытая им в древней «Хронике» монастыря св. Марка, в так называемой «Chronique d'Ubal dini» следующая запись: «Брат Михаил, сын Эмануила, из города Арты под тем же именем, которым он назывался прежде в миру, приняв пострижение в монашество от достопочтенного

¹ Подробный анализ всех известных «Житий» и «Сказаний» о Максиме Греке дается у С. Белокурова, который насчитывает их до 75. (С. Белокуров. О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1898, прилож., с. III—XXXVIII, XLIII—LXXXII.)

² Следует отметить, что итальянский и особенно афонский периоды в жизни Максима Грека до сих пор остаются весьма слабо освещенными. Только в недавнее время западный ученый И. Денисов частично восполнил этот пробел, опубликовав шесть новых писем молодого Максима Грека к его итальянским друзьям (1498—1504 гг.) и несколько его мелких произведений, написанных во время пребывания на Афоне: эпиграмму на великого ритора Мануила (1505 г.), одну эпитафию патриарху Константинопольскому Иоакиму I († 1505), три эпитафии патриарху Нифонту II († 1508) и канон Иоанну Крестителю (E. I. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Paris, 1943. Appendix I и II, pp. 396—420). Но все эти материалы имеют отрывочный характер и не дают надлежащего представления о жизни и деятельности Максима в Италии и на Афоне. Вышедший в 1950 г. обширный труд о Максиме Греке греческого ученого Григория Папамихаила (Μάξιμος ὁ Γραικός ὁ πρῶτος φωτιστὴς τῶν Ῥώσων. Ἐν Ἀθήναις, 1950) также не вносит чего-либо существенно нового в биографию нашего писателя, так как построен в основном на материалах двух прежних капитальных работ: русского ученого В. С. Иконникова (Максим Грек и его время. Киев, 1915) и узаканного выше католического ученого И. Денисова.

³ Только в одном письме молодого Максима Грека от 21 апреля 1504 г., когда он известен был под мирским именем Михаила Триволиса, к его итальянскому другу Синпиону Картеромаху имеется такая фраза: «Поэтому-то я и не пишу тебе сейчас ничего больше, помимо того, что я отказался от монашеской жизни из-за многих болезней, одолевающих меня, а не по какой другой причине» (E. I. Denissoff. Maxime le Grec... Appendix I, pp. 406—409). Но это письмо, написанное вскоре после выхода Михаила-Максима из стен монастыря св. Марка, равно как и мирское имя Максима, до самого последнего времени не были известны в печати.

⁴ E. I. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution a l'Histoire de la Panse religieuse et philosophique de Michel Trivolis, Paris — Louvain, 1943.

брата Матфея Марчи в четырнадцатый день июня около первого часа ночи в год Господень 1502»¹.

Ввиду исключительной важности такой записи для биографии Максима Грека, И. Денисов решил установить подлинность ее и источник происхождения. После тщательных поисков ему удалось выявить, что эта запись внесена в «Хронику» из более древнего манускрипта, известного под заглавием «Liber vestitionum». Указанный манускрипт представляет собой оригинал регистрации в хронологическом порядке всех вступающих в монастырь св. Марка новых иноков с 1491 и по 1681 г. Таким образом, подлинность записи не подлежит сомнению. Своим изысканиям по поводу рассматриваемой нами записи И. Денисов посвятил специальную статью под довольно странным заглавием «Влияние Савонаролы на Русскую Церковь, обнаруженное через неизвестный манускрипт монастыря св. Марка во Флоренции»².

Можно поставить вопрос: относится ли приведенная запись именно к Максиму Греку? Здесь сомнения разрешаются довольно легко.

В указанной выписке родиной Михаила называется город Арта, а отцом — Эммануил. Такие же сведения мы находим в заметке, помещенной на первом листе самого древнего сборника сочинений Максима Грека московского периода, причем составление сборника приписывается некоторыми учеными самому Максиму. Заметка гласит: «Максимово роженне от града Арты, отца Мануила и Ирины, христианех греков философев»³. Кроме того, как отмечалось выше в примечании, Михаил Триволис в письме к Сципиону Картеромаху от 21 апреля 1504 г. сообщал, что он «отказался от монашеской жизни».

Таким образом, факт пребывания молодого Максима Грека в католическом доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции в качестве монаха не вызывает сомнений.

Но здесь возникают вопросы:

1. Что побудило Михаила Триволиса (Максима Грека) вступить в доминиканский монастырь св. Марка?

2. Как отразилось непродолжительное пребывание Михаила в доминиканском монастыре на его идеологическом облике?

I

Для ответа на первый вопрос необходимо вспомнить ту обстановку, в которой протекала его жизнь во Флоренции.

Михаил Триволис прибыл во Флоренцию в 1492 г. в возрасте 22 лет⁴ для завершения своего образования. Здесь он оставался с некоторыми перерывами до середины 1498 г.⁵ Если Италия была в то время центром западноевропейского Ренессанса, то Флоренция являлась центром итальянского Возрождения. Она называлась тогда «Новыми Афинами». Молодые греки-эмигранты стремились сюда как в землю обетованную, где возрождалась прославленная культура древней Эллады.

Во Флоренции Михаил Триволис проходил курс разных наук под

¹ Frater Michael Emmanuelis de civitate Arta, eodem nomine prius in seculo dictus, accepit habitum a venerabili fratre Mattheo Marci, die quatra-decima Junii circa horam primam noctis anno Domini 1502» (Él. Denissoff. Maxime le Grec..., pp. 95, 247).

² Él. Denissoff. L'influence de Savonarole sur l'Eglise russe, expliquée par un MS inconnu du Couvent de S.-Marc a Florence, Scriptorium. Vol. II. Fasc. 2, Bruxelles, 1948, pp. 253—256. В приложении, на с. 28-а приводится факсимиле записи.

³ Государственная библиотека им. Ленина в Москве. Отд. рукописей. ф. 173—собр. МДА, фонд. № 153 (XVI в.), л. 1.

⁴ Довольно прочно установленной датой рождения Максима Грека считается 1470 г. (Él. Denissoff. Maxime le Grec..., p. 138).

⁵ Из Флоренции в период с 1496 по 1498 г. Михаил Триволис выезжал в университетские города: Болонью, Падую, Феррару, Милан и Венецию, везде выступая в качестве ученика и сотрудника лучших профессоров-эллинистов (Él. Denissoff. Maxime le Grec..., pp. 174, 177, 179, 200).

руководством выдающихся представителей итальянского Ренессанса конца XV в.: Иоанна Ласкариса, Анджело Полициано, Дмитрия Халкондила, Марсилио Фичино и других. Длительное общение с виднейшими деятелями гуманистической науки и усиленные самостоятельные занятия древними писателями не могли не оказать глубокого влияния на его мировоззрение. Об этом он сам свидетельствует в своих поздних сочинениях¹. Основные черты гуманистического движения нашли довольно отчетливое отражение в дальнейшей литературной деятельности Максима Грека.

Но одновременно с занятиями в Платоновской Академии Михаил Триволис слушал проповеди и был свидетелем реформаторской деятельности, а возможно, и мученической смерти Иеронима Савонаролы. Судя по многочисленным свидетельствам современников, проповеди Савонаролы производили потрясающее впечатление на слушателей. Они одинаково увлекали: мужчин и женщин, художников и поэтов, философов и простых людей. Слава о флорентийском проповеднике разнеслась далеко за пределы Италии. Если к этому добавить, что на окружающих оказывала неотразимое влияние сама личность флорентийского проповедника, отличавшегося высокой нравственностью, бескорыстием, самоотверженной любовью к народу, то будет неудивительно, что почитателями его становились многие выдающиеся представители науки и искусства того времени и в том числе великий Микеланджело Буонаротти, до старости перечитывавший проповеди Савонаролы².

Вполне понятно, что под влияние Савонаролы мог подпасть и молодой впечатлительный грек Михаил Триволис, который был очевидцем последних пяти лет жизни и деятельности флорентийского проповедника. О том, какое глубокое и неизгладимое впечатление произвели на молодого Максима Грека проповеди, личность и судьба Савонаролы, мы узнаём из обширного сказания о Савонароле самого Максима, которое читаем в его сочинении «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителстве»³. Здесь Максим прямо заявляет, что он готов Савонаролу и его двух товарищей по мученической кончине причислить «с радостью древним защитителем благочестию, аще не быша латыня верою». Так говорил Максим Грек много лет спустя после флорентийской трагедии. Можно представить, каким ореолом окружен был Савонарола в глазах юноши Михаила, когда последний слушал проповеди и наблюдал за деятельностью флорентийского монаха. Нет сомнения, что под влиянием именно Савонаролы в Михаиле Триволисе произошел тот внутренний перелом, о котором он вспоминал впоследствии в Москве в своих писаниях, выступая уже под именем Максима Грека. Так, в «Послании о католических доминиканском и францисканском монашеских орденах» он заявлял: «40 лет безмала прошли ужь, отнели отрекохся гнилых басней и учений моих прародителей эллинех, послушав глаголющаго тайно учителя»⁴. Из страст-

¹ Сочинения преподобного Максима Грека. Т. I. Казань, 1859, с. 377, 462—463.

² Пасквале Виллари. Джиролемо Савонарола и его время. Т. I. СПб., 1913, с. 375—376; Н. Осокин. Савонарола и Флоренция. Казань, 1865, с. 216—219.

³ Сочинения Максима Грека. Ч. III, с. 194—205. В печатном издании и в большинстве рукописей Сказание о Савонароле занимает вторую половину «Повести страшной...». Но в некоторых рукописях оно помещено отдельно под заглавием «Ина повесть душеполезна» и начинается: «Флоренция град есть прекрасеншен» (Гос. библиот. им. Ленина. Отд. рукоп., ф. 256 — собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 233—239; Гос. библиот. им. Салтыкова-Щедрина. Отд. рукоп., QXVII 67 (XVII в.), лл. 62—64). В одной рукописи Государственного Исторического музея Сказание о Савонароле в «Повести страшной...» отсутствует. Так как Сказание о Савонароле по содержанию совершенно не связано с «Повестью страшной...», то можно думать, что оно было написано Максимом Греком в качестве самостоятельного повествования.

⁴ Опубликовано В. Ф. Ржигой по рукоп. Гос. библиот. им. Салтыкова-Щедрина. QI, 219 (XVI—XVII вв.), лл. 559—564 об., в «Byzantinoslavica», t. VI, pp. 91—105, под заглавием «Послание о сказаниях античной мифологии».

ного поклонника языческой древности, из гуманиста с тенденциями паганизма Михаил превращается в ревностного сторонника христианских идеалов, которые выдвигал перед своими слушателями Савонарола. Под воздействием пламенных обличений и реформаторской деятельности флорентийского проповедника Михаил Триволис проникается тем религиозным энтузиазмом или, по выражению самого Савонаролы, той «ревностью по Бозе», которой одержим был флорентийский монах и которая заражала всех его окружающих. Эта «ревность» не была проявлением неступленного фанатизма монаха-отшельника, а являлась источником той внутренней силы, которая толкала Савонаролу на борьбу с вопиющими злоупотреблениями в Католической Церкви, с нравственными пороками современного ему общества, с произволом и беззаконием светских князей, с лихоимством и хищениями богатых, на защиту бедных и угнетенных. «Его стараниями во Флоренции была введена полная демократия, все решения должны были приниматься в собрании горожан»¹. Намечаемая им программа преобразований преследовала следующие основные задачи: «реформу христианской Церкви снизу доверху, восстановление первоначального равенства между людьми, патриархальный строй»².

Вспоминая о преобразовательной деятельности Савонаролы, Максим Грек писал впоследствии: «Сей премоудный разум богодохновенных Писаний... ревностно Божиею разжегся, совет советовав добр и богоугоден сиречь учительным словом, еже от Божественных Писаний, пособити граду оному и истребити от него в конец нечестия сия»³.

Внушенную Савонаролой ревность к борьбе со всевозможными пороками и беззакониями Максим Грек сохранил на всю жизнь. И когда он прибыл на Русь и столкнулся здесь со многими вопиющими настроениями в церковно-религиозной, нравственно-бытовой и социально-политической жизни тогдашнего русского общества, он не мог молчать и, «жегомый ревностью», по примеру своего флорентийского учителя выступил с резкими обличениями. В целом ряде своих сочинений он прямо заявляет, что пишет и вещает «не по лицемерию», не ради лести и не в поисках славы, «но убо Божественною ревностию жегом»⁴.

Эта «ревность по Бозе» и была основной побудительной причиной вступления Михаила Триволиса в доминиканский монастырь св. Марка, в котором Иероним Савонарола был приором в последние годы своей жизни. Смелая борьба флорентийского проповедника против беззаконий Рима и в защиту свободы флорентийского народа, его неустрашимость на суде и перед сожжением на костре в 1498 г. окончательно укрепили молодого грека в решимости посвятить себя той же преобразовательной деятельности на благо ближних, за которую пострадал Савонарола.

Возможно, что под влиянием бесстрашной мученической кончины Савонаролы Михаил Триволис намеревался тогда же вступить в монастырь св. Марка, чтобы в качестве проповедника продолжить высокий подвиг своего учителя. Но этому помешала наступившая реакция, сопровождавшаяся свирепыми репрессиями против последователей и почитателей флорентийского реформатора. «Невозможно выразить,— говорит Перренс,— каким насмешкам и оскорблениям подвергались ученики и сторонники несчастного монаха. Монастырь на два месяца был закрыт. Множество монахов было отправлено в ссылку»⁵.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VII, 1940, с. 79.

² Там же.

³ Сочинения Максима Грека, т. III, с. 195.

⁴ Там же, с. 61; т. II, с. 220, 322—323.

⁵ F. T. Perrens. Yérome Savonarole. D'après les documents originaux avec des pièces justificatives en grande partie inédites. Paris, 1856, pp. 293—300.

При таких обстоятельствах Михаил Триволис признал за лучшее удалиться в Мирандолу на службу к князю Пико делла Мирандола, который принадлежал к числу образованных и талантливых людей своего времени и был вместе с тем горячим почитателем Савонаролы и одним из первых его биографов¹.

В начале июня 1502 г. Михаил Триволис возвратился из Мирандолы во Флоренцию. К этому времени в монастыре св. Марка устанавливается более спокойная обстановка, и православный грек Михаил 14 июня того же года принимает пострижение в монашество. Следуя примеру своего учителя Иеронима Савонаролы, Михаил сохранил в монашестве свое мирское имя, как об этом свидетельствует приведенная выше древняя запись. Помимо религиозной настроенности, вызванной влиянием Савонаролы, была еще одна причина, побудившая Михаила Триволиса вступить в монастырь св. Марка. Со времени приорства Савонаролы монастырь приобрел славу не только как центр церковно-монастырского обновления, но и как величайшая сокровищница книжных богатств. Здесь были объединены три ценнейших книжных собрания: 1) подаренная монастырю библиотека Козимо Медичи, 2) переданная в монастырь публичная библиотека Николо Никола и 3) приобретенная Савонаролой богатейшая личная библиотека Лоренцо Медичи². Во главе монастырской библиотеки стоял знакомый Михаилу переводчик греческих отцов³. Всё это могло явиться немалой притягательной силой для любознательного грека.

Не сохранилось никаких сведений о том, как проводил время и чем занимался монах Михаил в доминиканском монастыре. Надо полагать, что он познакомился здесь с теми богословско-философскими трудами, которые лежали в основе учения Савонаролы, и прежде всего с «Суммой богословия» Фомы Аквината. Возможно также, он продолжал изучать греческих отцов Церкви, творения которых переводил и подготавливал для издания по поручению Пико делла Мирандола.

В апреле 1504 г. Михаил Триволис оставил монастырь св. Марка. Трудно установить с несомненностью причину, которая заставила Михаила Триволиса покинуть доминиканский монастырь. Сам он в своем письме от 21 апреля 1504 г. к Сципиону Картеромаху ссылается на «многие болезни, одолевающие его», но это едва ли верно, так как в том же письме он, противореча себе, заявляет: «благодарение Богу, я здоров»⁴.

Можно предположить, что удаление его из монастыря было вызвано, главным образом, той крайне враждебной к памяти Савонаролы атмосферой, которая удерживалась здесь со времени казни героического приора. 10 марта 1503 г. генерал Ордена доминиканцев направил в монастырь распоряжение, запрещающее говорить о Савонароле и даже произносить его имя⁵.

Вполне понятно, что при такой обстановке ревностный ученик флорентийского проповедника не мог продолжать дела своего учителя, т. е. выступать с обличениями тех пороков в церковной и общественной жизни, против которых боролся Савонарола.

В первое время по выходе из доминиканского монастыря Михаил пытался посвятить себя научным эллинистическим занятиям. С этой целью его взоры обращаются к знаменитому венецианскому книгоиздателю Альду Мануцию — другу и покровителю ученых эллинистов, с которым Михаил Триволис был раньше знаком и в окружении которо-

¹ E. I. Denissoff. *Maxime le Grec...*, pp. 212, 235.

² J. Schnitzer. *Savonarola. Ein Kulturbild aus der Zeit der Renaissance*. München, 1924, S. 372.

³ E. I. Denissoff. *Maxime le Grec...*, pp. 247—249.

⁴ Там же, Appendix I, pp. 404—407.

⁵ Там же, с. 265.

го находились близкие друзья Михаила. Одному из них — Сципиону Картеромаху — он отправляет два письма, в которых рассказывает о своем тяжелом положении и просит заняться его делами, «отрекомендовать честному Альду» и «вытащить» к ним в Венецию¹.

По неизвестным нам причинам Михаилу Триволису не удалось устроиться сотрудником при книгоиздательстве Альда Мануция. Но эта попытка свидетельствует о том, что пребывание в доминиканском монастыре не вытравило в Михаиле интереса к научно-литературным эллинистическим занятиям и, следовательно, гуманистических настроений.

II

В следующем, 1505 г. Михаил Триволис удаляется на Афон и там, в греческом Ватопедском монастыре, принимает монашество с именем Максима. Таким образом, ученик Ренессанса, носивший некоторое время клобук доминиканского монаха, теперь надевает одежду православного монаха-агиорита, в которой остается до конца жизни. Как справедливо замечает И. Денисов, в этой эволюции не было, однако, ничего неожиданного и ненормального. Грек по происхождению и чувству, сын православных родителей, Михаил Триволис, не найдя приложения своих духовных сил и религиозной ревности в Италии, решил посвятить свои солидные знания в филологии, философии и богословии на благо своей родины и восточного Православия.

Но здесь мы подходим ко второму из поставленных нами выше вопросов: как отразилось пребывание в доминиканском монастыре Михаила Триволиса на его идеологическом облике; было ли это пребывание связано с временным отречением Михаила от Православия в пользу католичества?

Католический ученый И. Денисов рассматривает вступление Михаила в доминиканский монастырь как кульминационный пункт латинизации нашего грека, т. е. как окончательный переход его на сторону Католической Церкви, которая, по словам И. Денисова, всегда предлагала ему свое «материнское лоно» и неизменно заботилась о нем во время его странствований по Италии².

По мнению западного ученого, латинизм Максима Грека не был, однако, явлением временным. Он удержался во взглядах и настроениях нашего писателя и в дальнейшем и нашел отражение даже в его полемических сочинениях против латинян, написанных в Московский период. В подтверждение такого мнения И. Денисов приводит следующие доказательства:

1. В то время как москвиты, вслед за греческими полемистами, насчитывали латинских ересей до 32-х, Максим приводит только три.
2. Самый стиль его сочинений против католицизма имеет примирительный характер, чуждый слепого фанатизма.
3. Религиозные мысли Максима в большинстве случаев более близки к католическим доктринам, чем мысли других православных богословов.
4. Он не боится восхвалять примат апостола Петра (Сочинения, т. I, с. 196, 211).
5. Папа для него законный наместник князя апостолов, получивший право «вязать и решить» (там же, с. 469).
6. Максим восхваляет жизнь католических монахов и порядки католических монастырей³.

¹ E. I. Denissoff. Maxime le Grec..., pp. 404—407.

² Там же, с. 365. Того же мнения придерживаются и позднейшие православные греческие историки Григорий Папамихаил (см. указ. соч.) и архимандрит Филарет Виталис («Ο Πτερωτός Μάξιμος ὡς πρόβατος τῆς ὀρθοδοξίας ἐν Ῥωσία. Ἀθήναι, 1965).

³ E. I. Denissoff. Maxime le Grec..., p. 376.

Однако все приведенные И. Денисовым доказательства в пользу латинизма Максима Грека при ближайшем рассмотрении оказываются мало убедительными. Ссылки на то, что Максим в своей полемике против латинян касался только трех латинских ересей и что самый тон его полемических сочинений носит примирительный характер, ни в малейшей степени не свидетельствуют о его симпатиях к католицизму. В данном случае Максим следовал примеру наиболее видных представителей восточного Православия (патриарх Фотий, патриарх Антиохийский Петр, архиепископ Болгарский Димитрий Хоматин, Симеон Фессалоникийский и др.), которые считали наиболее важными только три догматических заблуждения латинян (Filioque, опресноки и папский примат), не придавая особого значения многочисленным обрядовым и бытовым расхождениям, и стремились избежать в своих выступлениях непримиримого тона.

Указывая далее на близость некоторых мыслей Максима к католическим доктринам, в частности, в учении о примате апостола Петра, И. Денисов допускает явное искажение подлинного смысла высказываний нашего писателя. В тех местах, на которые ссылается И. Денисов, Максим Грек прямо опровергает латинскую доктрину о примате апостола Петра, заявляя, что власть «взять и решить» дана была Христом и «прочим учеником» (Сочинения, т. I, с. 464).

Наконец, не являются действенным аргументом в пользу латинизма Максима и его восхваления нестяжательной жизни католических монахов. Вопрос этот относится к области морали, а не вероучения и будет рассмотрен нами ниже.

Вообще факт латинизации Максима во время пребывания его в Италии не подтверждается документальными данными и стоит в полном противоречии со всей его дальнейшей деятельностью, которая насыщена полемической борьбой против латинства. Сочинения Максима Грека против католицизма всегда пользовались среди православных богословов исключительно высоким авторитетом, и некоторые из них уже с XVI в. стали включаться наряду с творениями отцов Церкви в вероучительные сборники, служившие руководством в полемике с католичеством¹.

Поэтому можно утверждать, что монашество Михаила Триволиса у доминиканцев не было связано с отречением от Православия. Противореча самому себе, то же утверждает и сам И. Денисов, заявляя, что «обращение его (Михаила-Максима) в католицизм, собственно говоря, никогда не было отречением (abjuration) от Православия, но только отречением от неопаганизма»². Итальянский латинизм Михаила И. Денисов видит не в догматических отступлениях от Греческой Церкви или даже в каких-либо догматических колебаниях, а лишь в той терпимости, с которой эмигрант-грек относился к окружающей его в Италии латинской обстановке и латинским обрядам, однако без их усвоения³.

Нужно сказать, что в XV—XVI вв. между греками-эмигрантами, проживавшими в Италии, и местными католиками установились отношения взаимной религиозной терпимости. Поэтому от Михаила при его вступлении в монастырь св. Марка никто и не требовал перемены догматических взглядов. К тому же и самый чин монашеского пострижения как в православных, так и в католических монастырях не со-

¹ Имеются в виду: «Книга о вере» (Киев, 1588, 1618, Могилев, 1625); «Вера единой, святой, кафолической апостольской Церкви на всходе» (Киев, 1615, Почаев, 1618); «Книга Кириллова» (Москва, 1643, 1644); «Зерцало богословия» Кирилла Транквиллиона (см.: Дамаскин. Библиотека Российская, с. 23—24, 38—39; Филарет. Обзор духовной литературы, с. 144).

² E. I. Denissoff. Maxime le Grec..., p. 276.

³ Там же, с. 277.

держит формул вероучительного характера; он подчеркивает только моральные стороны, связанные с обетами отречения от мира и мирских интересов. Эти обеты вполне отвечали тому религиозно-нравственному подъему, который вызван был в Михаиле проповедью и деятельностью Савонаролы. Что касается его вероучительных взглядов, то надо полагать, что длительный конфликт Савонаролы с папством и римской иерархией, свидетелем которого был Михаил, уже тогда подготовил в его душе оппозиционные настроения в отношении Римской Церкви. Вот почему в своих воспоминаниях о Савонароле и доминиканском монастыре Максим Грек касается событий и явлений исключительно нравственного порядка.

Памятником пребывания молодого Максима в монастыре флорентийских доминиканцев являются два его рассказа о католических монастырях, написанных впоследствии в России. Один мы читаем в сочинении «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жительстве», а другой — в его «Послании о католических доминиканском и францисканском монашеских орденах».

В этих рассказах, особенно в первом, описаны такие детали монастырской жизни, которые могли быть известны только очевидцу. Вместе с тем рассказы свидетельствуют, что уже тогда, во время пребывания в монастыре св. Марка и под влиянием реформаторской деятельности Савонаролы, у Максима Грека сложились нестяжательские взгляды и представления об устройении монастырей и монашеской жизни. Но эти нестяжательские взгляды, вынесенные Максимом из Италии, не являются результатом латинизации, так как они полностью совпадают с учением о том же предмете русских нестяжателей, как оно изложено в «Предании учеником»¹ и «Уставе» преп. Нила Сорского и в «Собрании некоего старца на воспоминание своего обещания» Вассиана Патрикеева². Максим Грек, как и Савонарола, а равно как и русские нестяжатели — Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, в своих взглядах на устройство монастырей и на монашескую жизнь исходили из идеалов первоначальной иноческой нищеты. Инок отрекается от всего мира, чтобы жить «по Бозе», а следовательно, отрекается и от всякой собственности. Существенное условие монашеского подвига — полная нестяжательность, совершенная нищета, бедность. На таких началах Савонарола пытался устроить жизнь в руководимом им монастыре св. Марка во Флоренции, в котором пробыл около двух лет молодой Максим Грек. Здесь и сформировалась его нестяжательская идеология, которой он оставался верен всю свою жизнь и в защиту которой он написал целый ряд замечательных произведений³.

¹ А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. I. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882, с. 67.

² Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, с. 24—25, 78—81, 224—230.

³ Вопрос о нестяжательских взглядах Максима Грека нами рассмотрен в специальной статье «К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека» («Византийский временник», т. XXIX, 1968).